

27.05.94

На титульных листах четырех балетов Родиона Щедрина стоит мое имя:

“Конек-Горбунок” — Майя Плисецкой.

“Анна Каренина” — Майя Плисецкой, неизменно.

“Чайка” — Майя Плисецкой, всегда.

“Дама с собачкой” — Майя Плисецкой, вечно...

Раскоже жеманство вовсе не оставляет меня сказать о музыке мужа своего, что я ощущаю, что чувствую.

Щедрин всегда был в тени прожекторов моего шумного успеха. Но, на радость мою, никогда не страдал от этого. Иначе не прожили бы мы беззаботно столь долгие годы вместе. Это — и по счастливой природе независтливого характера своего, и благодаря спокойной убежденности в силе своих великих изначальных творческих возможностей.

Да еще постоянная погруженность в музыку.

Елена Михайловна Ильинская спросила меня однажды, когда я только вышла замуж за Щедрина: “Как можно лечь в постель с человеком, у которого в голове всегда музыка?” Можно, Елена Михайловна, можно, и совсем неплохо можно!..

Но, в сущности, непросто, когда два художника живут бок о бок. Кому-то одному день от дня надо уступать дорогу. Если делать это постоянно, через усилие, стискивая зубы, — мимое равновесие в конце концов непременно нарушится... конец союзу.

А что же музыка к моим балетам?..

Обыватель сплетничал: муж — “балетный композитор”, сочиняет балеты под диктовку своей взбалмошной примадонны, “карьеру делает”. А по правде — все было как раз наоборот. Было, не побоюсь сказать, может, самопожертвование. Щедрин — профессионал самой высокой пробы. И балет мог сделать отменно, и оперу, и что угодно. И писал он балеты прямо мне в помощь. В вызволнение от надвигающегося возраста: новый репертуар обязательно выведет в следующую ступень искусства, новый репертуар один сможет уберечь от театральных злокозней, от самоповтора, от втаптывания, погружения в инертность, в бездействие...

Конечно, каждая новая сверхзадача увлекала его, зажигала препятствием. Но была здесь и немногая забота обо мне, боление, сопреревивание, тревога. А может, проще говоря, любовь?.. Я пишу эти строчки, и меня затопляет нежность.

Будет неполной моя книга, промолчи я обо всем этом.

Имя Щедрина в музыкальном мире знают достаточно хорошо. Только мне обидно, что ими знают лучше, чем музыку. Родион Щедрин? Да, конечно, “Кармен-сюита”, “Кармен-балет” Вариации по Бизе.

“Кармен-сюита” взаправду удалась на славу. Виртуознейшая пьеса! Но если Щедрин смог так обойтись со знакомыми совсем каждому мотивами, неужели не интересно господам дирижерам полистать и иные, собственно его работы? Многое замечательное в них обнаружится!.. “Кармен-сюита” — лишь капля из того, что сделано Щедриным...

Я диву даюсь, почему балет “Дама с собачкой” прошел мимо внимания хореографов... Подлинно балетная тема. Майя Чехова. Чудный образ героини. Компактность: один акт. Длительность: три четверти часа. Состав оркестра: самый минимальный. Лишь струинные (еще три-четыре инструмента). И главное, пронзительная, до сердца бередящая музыка, свежая и сочная, как антоновское яблоко. Почему, черт возьми? Как разбудить мое вас, спящие красавцы?..

Где бы я ни танцевала этот балет в своей постановке, он находил молниеносный отзвук в зрительном зале. Когда-нибудь, мадам. Но почему не сейчас?..

Я была на премьере “Старинной музыки российских цирков” Щедрина в Чикаго. Знаменитый Чикагский оркестр, ведомый в тот вечер ослепительным Лорином Маэлем, буквально купался в изы-

длится оно более двух часов. Лишь женщина покорность удерживала меня в кресле концертного зала до последней точки финала. Страсть как хотелось устремиться за беглецами, кто покидал аудиторию, протестующие скрипки половины. Тут я начинала чувствовать, что соприкасаюсь во вкусах с нашей собакой — таксой Бати (подарок Марии Шелл), которая внезапно нестерпимо завыла с первых же тактов телевизионной записи этого сочения.

Я пишу эту главу в тайне, в строгой тайне от Щедрина. Знаю, он будет сердиться, уверяя меня вымарать, выбросить ее из книги. Но не послушаюсь. Ни за что не послушаюсь. Я так отчаянно хочу восстановить справедливость.

А справедливость была бы еще и в том, если бы судили о музыке Щедрина только по музыке Щедрина. Если бы навешивали к его имени сальеристы молодого музыканта. Ласковой, но мертвой хваткой, то сужу прянки, то подступаясь с уг-

студента консерватории Щедрина прияли за глаза, без собственной его просьбы, без формальных процедур, заявлений.

Он не карабкался по лестнице признания вверх. Оно само шло к нему... Как упрощают наше прожитое “эксперты по России”: черное — белое — черное — белое... Нет, господа, жизнь в натуре куда как сложнее...

В начале шестидесятых годов, на последней волне хрущевской оттепели, Дмитрий Шостакович основал Союз композиторов России как альтернативную организацию Союзу композиторов СССР. И стал ее первым председателем. Он несколько раз говорил с Родионом, чтобы тот перенял из рук его эстафету этого доброго дела. Кстати, Шостакович и Щедрин вдоволь натаскали вдвоем по высоким цековским кабинетам. Знаменитого классика и подающего надежды молодого музыканта. Ласковой, но мертвой хваткой, то сужу прянки, то подступаясь с уг-

гильель, Флиер, Коган были тоже членами партии. Наше поколение иногда решалось на смелые поступки. Басилла страха не была уже так всеобъемлющая могучая. Но... очень “иногда”.

В 1973 году в Колонном зале Москвы после двухчасовых уговоров Щедрина убеждают не снимать свою кандидатуру с голосования. Лишь два голоса из нескольких сотен — против него. Остальные — “за”. И Родион становится председателем Союза композиторов России. Теперь он — “в кресле Шостаковича”. К слову говоря, офис композиторов России лишь третья этажами ниже московской квартиры Шостаковича, в том же доме, в том же подъезде. Д. Д. это было удобно: он трудно уже ходил...

Я знаю главный мотив мучительного согласия Щедрина.

Это — я.

Мне становилось в театре все труднее. Надо было бороться за место под театральным солнцем. А какие козыри в этой

скульптуру посещали? Иностранных от прессы блинами с икрой потчевали да на собственных машинах вместо такси по достопримечательностям Подмосковья транспортировали. Коломенское, Архангельское, Загорск... И нашептывали, что гонимые, мол, непризнанные, незамеченные...

У нас теперь, кстати говоря, как-то внезапно обнаружилось, что полстраны в диссидентах были. А те, кто на заштатный вопрос интервьюера: “Ваша настольная книга?” — “Сочинение Ленина” — отвечали, теперь только и твердят одно в унисон: “Библия”, “Библия”... У, хамелеоны!.. Но это только пока. Это пока лишь модно сие, пока на этой стороне силы. Впрочем, это так... Наблюдение.

Есть на свете несколько простых, веселых сказок гениальных творцов, написанных чловечеству в назидание. Сказки эти куда глубиннее своеумных томов философов. “Сказка о

Балетные партии, которые она не станцевала, наверное, можно пересчитать по пальцам. Но несведущий зритель заблуждается, если считает, что жизнь примы Большого была соткана только из радостей и осуществленных мечтаний. Все-мирно известная балерина имеет свой взгляд на сей счет. И излагает его в книге “Я, Майя Плисецкая...”, которая в августе выйдет в свет усилиями издательства “Новости”. Глава из нее мы предлагаем сегодня нашим читателям.

Майя ПЛИСЕЦКАЯ:

ХОЧУ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Курант. — 1994. — 27 июл. — С. 8.

257

сах, лакомствах партитуры. Да эту пьесу каждый уважающий себя оркестр сыграть должен. Опять спят люди...

Премьера Четвертого фортепианного концерта в Кеннеди-центре с Николаем Петровым и Славой Ростроповичем. Признание. Похвалы со всех сторон. Добрая критика. И что же? Много охотников играть новый концерт обывилось!..

Хоровая литургия “Запечатленный ангел”. Какая чистая, хрустальная музыка! А какой балет по “Ангелу” можно сделать (не обессудьте, что все на балет сноски, но я ведь...)!

Конечно, есть у Щедрина сочинения, которые я воспринимаю трудно. Стремлюсь быть непредвзятой. Вот, к примеру, “Музыкальное приношение” для органа с духовыми. Мне бывало мучительно нелегко послушать сочинение до конца. А

(Впрочем, сама-то я не верю, что Сальери в реалии отравил Моцарта. Оговорили старики-кашку его же собственные сальерини. Все по зависти, все по подлости, все по человеческой сущи. Но Пушкин так исчерпывающе обнажил механизм зависти творца к творцу, что ни один адвокат мира не в силах отныне обелить злодейскую репутацию подлинного Сальери).

А завидовали Щедрину сильно. Завидовали и впрямь было чему. Хорошо завидовали!..

Блестящий, Богом музами музами помеченный человек, несогласимо обаятельный, искочающий вокруг себя радиацию. Человек радостной щедрости, точнее — точно совпадающей со смыслом своей фамилии. Как мог он не привлечь к себе внимания? Даже в Союз композиторов двадцатилетнего

рода, склоняли к вступлению в Коммунистическую партию.

Давление это продолжалось долго, и Дмитрий Дмитриевич в конце концов уступил и подал заявление. А Щедрин устоял и остался, как и был, беспартийным. Вы думаете, это было просто?..

Но я совершиенно могу понять Шостаковича! Скольких искажений пришло ему на терпеться от советской власти.

Когда Сталин в совсем еще недавнем прошлом устраивал наезды на знатительные принародные торги, какие-нибудь четверть шага отеляли жертву от физического уничтожения. Шостакович боялся за своих детей, за свои творения. Разве могли исчезнуть чувства страха бесследно?.. И другие превосходные музыканты поколения Шостаковича тоже не избежали этой участи. Ойстрах, Хачатурян,

борьбе у меня есть? Широкий шаг, гибкость и прочее? Или артистизм? Или одержимость к балету? Или расположность публики?..

Почетный пост в Союзе композиторов был нужен мне для острастки, для того, чтобы об меня пореже вытирали ноги, пореже ступали в душу. Неужто трудно это не понять? Если жизненный компромисс из-за стодолларовой бумаги — одно дело. А ежели из-за творчества, из-за родного человека?.. Есть разница?

“Шестидесятники” России (а Щедрин одним из них был) все шли к правде творчества, к правде жизни извилистыми путями — те же Евтушенко, Вознесенский... И каждый шел к цели своей дорогой. Судьбы их не миновал компромисс — система была жестока. Надо было выжить, не дать наступить на горло своей песне, “выруть” — этот глагол был у “шестидесятников” в ходу, — и притом остаться порядочным человеком. “Шестидесятники” наивно тщились еще и изменить мир, разрушить систему, расшармить людей, возвратить к их совести. Из сегодня мы видим, как наивны они были. Донкихоты шестидесятых годов!..

И за годы своего председательства Щедрин смог сделать людям много добра. Воистину много. Но кто способен помнить добро? Единицы. Счастье, что благодарные люди еще есть. Не вывались с земли, словно динозавры и мамонты. А все же сегодня именно те, кому вершил он наибольшее добро, за кого хлопотал, вступали, глазом не моргнув, говорят: что Щедрин? Истеблишмент.

Хорош истеблишмент, когда квартира наша куплена за наши деньги. А “гонимые композиторы” (такова уже повторяемая эхом инерции репутация) получали квартиры, иные блага бесплатно от Союза композиторов (проклинившего теперь Союза композиторов) Вот вам прауда-матушка была. Другие все “прихвостни”...

Есть у Щедрина оригинальное симфоническое сочинение. Называется оно “Автопортрет”. Посвящено самому себе (так помечена начальная страница). Год написания — 1984-й. До перестройки! До начала еще пробуждения от лягурческого семидесятилетнего сна — это сейчас все смелыми, независимыми стали... Я хочу, чтобы вы усыпили эту партитуру. Потому, что исповедь это. Музыкальная исповедь. И если не глухи вы, то разберетесь третий раз — кто есть Щедрин, во что он тогда веровал, что ненавидел. Это так просто — послушайте!..

Я печалюсь, что спутал сегодня намеренно кто-то правду с ложью. Что смеялись в иных головах сегодня акценты истины. Через поколение или два, в том сомнений не может быть, все разложится по своим полочкам, как кому было Богом отпущенено. По мере таланта, не по мере политики.

Как поэт сказал:

Открыть хотя б один глаз,
Взглянуть хотя б один раз,
Что станет после нас...

Какие платья будут шить,
Кому в ладони станут бить?..

На снимке: Майя ПЛИСЕЦКАЯ и Родион ЩЕДРИН.